

Семиотика и коммуникация Semotics and Communication

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956
УДК 81:003:929.6

Научная статья / Research article

Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ

О.И. Максименко¹, П.Н. Хроменков²

Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, 24, Мытищи, Российская Федерация, 141014
¹maxbel7@yandex.ru; ²geleiter@gmail.com

Государственный герб страны как один из трех главных символов государства можно рассматривать как поликодовый текст, включающий вербальный компонент (девиз, название страны) и иконические геральдические составляющие. Присутствие на гербах потенциально конфликтосодержащих элементов (фигуры бестиария, оружие и пр.) может восприниматься как скрытая конфликтосодержательность. В статье дается лингвосемиотический анализ гербов всех стран мира на предмет их гипотетической конфликтосодержательности и приводятся результаты интерпретации реципиентами потенциально конфликтосодержащих составляющих гербов.

Ключевые слова: герб, лингвосемиотика, лингвоконфликтология, геральдика, интерпретация

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Максименко О.И., Хроменков П.Н. Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 947—956. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956

© Максименко О.И., Хроменков П.Н., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81:003:929.6

Polysemiotic Elements of the State Emblems

Olga I. Maksimenko¹, Pavel N. Khromenkov²

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina st., Mytishi, Moscow Region, Russian Federation, 141014

¹maxbel7@yandex.ru; ²geleiter@gmail.com

The national emblem of the country as one of three main symbols of the state can be considered as the polycode text including a verbal component (the motto, the name of the country) and iconic heraldic components. Presence on the arms potentially conflict elements (a figure of a bestiary, the weapon and so forth) can be perceived as latent conflictogenity. The article deals with linguosemiotic analysis of the arms of all world countries for their hypothetical conflictogenity. The results of the interpretation by recipients potentially conflict arms (national emblems) are given.

Key words: the arms, linguosemiotics, linguoconflictology, heraldry, interpretation

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Maksimenko O.I. & Khromenkov P.N. (2019). Polysemiotic Elements of the State Emblems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 947—956. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956

*Символ заставляет задуматься, он зовет к интерпретации.
П. Рикёр*

Введение

С самых ранних времен развития цивилизации люди выбирали и использовали знаки, чтобы маркировать и объяснять свое существование, верования и культуру. Знаки постепенно приобретали дополнительные смыслы и превращались в символы. Изучением знаков, присутствующих практически во всех сферах жизни человека и общества, занимается семиотика, которую проще всего определить как науку о знаках и знаковых системах. Но когда знак превращается в символ, появляется необходимость его интерпретации, что, по сути, меняет отношение к знаку, расширяя его внутреннюю и внешнюю семантику.

А.Ф. Лосев, различая знаки и символы, писал, что образ (знак) и смысл образуют два элемента символа, немислимые друг без друга, и поэтому символы существуют как символы (а не как вещи) только внутри интерпретаций [3]. По словам П. Рикёра, символ заставляет задуматься, он зовет к интерпретации именно потому, что больше говорит, чем не говорит [6]. Одним из наиболее ярких феноменов, мультисемиотических, по сути, текстов, преисполненных символами и глубинными смыслами, требующими интерпретации, являются гербы.

Геральдические символы как лингвосемиотическая система

Одной из сфер науки и во многом искусства, единицей которой является именно символ, можно считать геральдику. В ней естественным образом произошло создание и развитие системы символов, одновременно идентифицирующих индивидуума и определяющих его место в социуме. Если следовать идеям Э. Кассирера [2], который расширил понятие символа, что позволило относить к «символическим формам» язык, миф, искусство и пр., то и геральдику, где сочетаются и язык, и миф, и история, и искусство, также можно считать «символической формой» человеческой культуры. Геральдика, являясь определенным «культурным кодом», входящим в семиосферу (по Ю. Лотману), требует, соответственно, декодирования и интерпретации, т.е. она может стать объектом исследования в рамках семиотики и герменевтики. Г. Гадамер, разрабатывая теорию философской герменевтики, заметил, что в процессе интерпретации текста (в нашем случае мультисемиотичного текста гербов) происходит не только реконструкция, но и конструкция смысла [1].

Символы идентификации требовались для государств в той же степени, что и для отдельных индивидуумов. Первыми гербами стран мира считают символы, которые появились примерно в III тыс. до н.э. на монетах и медалях. Это были иконические знаки, изображавшие разнообразных мифических животных (например, орла с головой львицы у шумеров (Анзуд)), обладавшие непростой семантикой, требовавшей интерпретации формы, цвета (золотой и синий, как цвета неба и солнца), одновременно добра и зла. Символ, превратившийся в герб, служил как защитой, так и возможностью предъявить себя всему миру. Учитывая постепенно усложнявшиеся образы, используемые в гербах и проходящие все ступени абстракции, к их анализу можно применять средства лингвосемиотики.

В ходе исторического развития постепенно у государств сложились три главных символа — гимн, флаг и герб. Гимны представляют собой насыщенные вербально выраженной символикой художественно-литературные образы (проанализированные нами в [4, 8]), флаги — визуальные символы, опирающиеся, как правило, на семиотику цвета и графических символов. Гербы, в свою очередь, можно считать художественными визуальными поликодовыми символами, т.е. феноменами, сочетающими в себе разные семиотические коды — пиктографическую составляющую, иногда вербальную составляющую, семиотически наполненные цвета и пр. Мотивы выбора того или иного знака-символа, цвета, вербальной составляющей для герба государства уходят корнями в глубины истории и не всегда известны или понятны.

Гербы государств (во всяком случае современные гербы) часто являются производными от гербов индивидуальных, которые в европейской традиции стали формироваться ориентировочно в 12 веке. В средние века воинские доспехи становились все более сложными, средневековый воин оказался буквально с ног до головы закован в броню, а закрывающий голову шлем скрывал лицо и превращал воина в некоего анонима, отчасти поэтому потребовалась символика, позволяющая отличать в бою своего от чужого.

Щит был основным элементом защиты, а его широкая поверхность оказалась идеальной для размещения геральдических символов, поскольку на щите они были

хорошо видны. Иконические символы были еще и прагматически оправданы, поскольку воспринимались как эмблемы или знаки отличия, которые проще было идентифицировать, поскольку большинство воинов читать не умело.

По мнению М. Пастуро, средневековые символы в большей мере характеризовали общие модусы смыслопорождения, чем то или иное свойственное ему значение. Например, если говорить о цвете, как важной семиотической составляющей гербов, то можно утверждать, что красный — это не столько цвет, обозначающий страсть, сколько цвет, который навязывает себя (в хорошем или плохом смысле слова); зеленый предполагает перелом, нарушение порядка, обновление; синий успокаивает или стабилизирует; желтый связан с возбуждением или трансгрессией [5]. Кроме того, цвет никогда не бывает изолирован; он приобретает значение и смысл только в сочетании с другим цветом или цветами — или по контрасту с ними. В символике герба, уходящей корнями в средневековье, вербальная составляющая, цвет, цифры, поза или жест фигуры животного из геральдического бестиария, растение, форма герба обладают глубинной семиотикой, то есть могут представлять, означать или отсылать к чему-то другому, отличному от того, чем они хотят являться или казаться. Задача состоит в том, чтобы установить эту имплицитную отсылку и попытаться интерпретировать ее.

Однако поскольку эти семиотически сложные объекты являются репрезентантами государств в современном цивилизационном пространстве, имеет смысл провести анализ их восприятия и интерпретации средствами лингвоконфликтологии с целью выяснения, являются ли конфликтосодержащие элементы гербов (по мнению одних реципиентов) конфликтогенными (для других), где под конфликтосодержащим элементом мы понимаем элемент, воспринимаемый и дефинируемый как имеющий негативную коннотацию, а под конфликтогенным — элемент, способный спровоцировать развитие конфликта.

Конфликтосодержащие элементы государственных гербов: анализ иконического и вербального компонентов

В силу сложившихся экстралингвистических обстоятельств и существенного роста конфликтных ситуаций в современном социуме изучение и анализ конфликтов разного рода превратились в очевидную потребность. Анализ природы конфликтов становится темой разнообразных научных исследований.

Конфликтология как научная дисциплина складывалась в течение двадцатого века, опираясь на исследования психологии, социологии, истории и др. Соответственно, методы конфликтологии во многом заимствованы из этих научных направлений. Конфликты между нациями и государствами рассматривались в конфликтологии как производные от противоречий национальных интересов.

Появление в гуманитарном дискурсе категории «цивилизация» (в ее постшпенглеровской трактовке в качестве историко-культурного типа) привело к акцентированию внимания не только на противоречиях интересов, но и на противоречиях ценностей. Наиболее определенно конфликтная сторона цивилизационного направления была представлена в теории «цивилизационных войн» С. Хантингтона. Конфликт цивилизаций в хантингтоновской версии является запрограмми-

рованным результатом их существования [7], что способно отражаться в государственной символике.

Лингвоконфликтология как междисциплинарное научное направление, существующее в рамках общей лингвистики и опирающееся также, что очевидно, на изыскания конфликтологии, находится в процессе становления. Как правило, в рамках этой дисциплины изучаются языковые, чаще всего речевые, конфликты либо с позиций языкового коммуникативного акта, либо с позиций экстралингвистики, изучения диалога, т.е. лингвоконфликтология занимается исследованием природы вербального конфликта и его гипотетических последствий.

Однако учитывая современную мультимодальную коммуникативную среду, существующую в рамках межкультурной коммуникации, можно расширить сферу интересов лингвоконфликтологии не только на непосредственные речевые акты или же речевые акты, зафиксированные в письменных текстах, например, в сакральных текстах, художественной литературе, СМИ печатных и электронных [8], но и на сферу семиотически комплексного восприятия окружающих человека поликодовых текстов, опираясь на точку зрения Ю.М. Лотмана, говорившего, что вся жизнь есть текст.

Как упоминалось выше, герб представляет собой поликодовый текст, в котором можно выделить основные семиотические доминанты, отражающие «язык геральдики» — цвет, форму, иконическую символику, вербальную составляющую (надписи, девизы, собственно названия стран). Иконическая составляющая символики государственных гербов весьма разнообразна и может отражать характерные природные ресурсы страны (растения и животных), как, например, кенгуру и страус эму на гербе Австралии, кофе на гербах ряда стран Латинской Америки или хлопок на гербах Узбекистана, Туркмении и некоторых других стран, для которых эти сельскохозяйственные культуры являются экономически значимыми. Такие естественные негеральдические иконические компоненты можно отнести к категории семиотически описательных.

Но, как известно, гербы многих государств мира содержат изображения хищных животных, оружие, атрибуты воинской службы, оборонительные сооружения, карающие силы природы (молнии и пр.). Все эти символы можно отнести к мотивационной категории конфликтосодержащих образов.

В современном мире насчитывается немногим больше 250 стран, однако, не у всех есть герб как официальный государственный символ. Например, Япония в качестве отсутствующего у нее государственного герба использует герб императорского дома Японии — стилизованную хризантему. У Франции и Турции также нет официальных гербов, только эмблемы. Тем не менее, большинство стран мира чрезвычайно серьезно и осознанно относятся к семиотике гербов, так, например, Франция меняла свою эмблему не менее 10 раз — от трех жаб на белом фоне времен Хлодвига I (5 век н.э.) до современной эмблемы с глубокой семиотикой, последние изменения в которую были внесены в 2018 г. Тем самым блазонирование, как универсальный геральдический код, учитывает значительное число семиотически осмысленных факторов, включая гипотетически конфликтогенные. Безусловно, теория интерпретации подсказывает, что оппозиция «конфликтогенный — неконфликтогенный» зависит от автора и реципиента, тем не менее, поскольку герб является репрезентантом государственной идеи той или иной страны, учитывать то, как будет воспринят этот репрезентант, принципиально важно.

Таблица 1 / Table 1

**Конфликтосодержащие образы в гербах стран мира /
Conflict-containing images in the arms of the countries of the world**

Страна	Конфликтосодержащие образы
Австралия	лев
Австрия	орел; разорванные цепи
Азербайджан	ветви дуба (трактуются как символ национальной военной мощи)
Ангола	мачете
Армения	лев; орел; разорванная цепь; меч
Барбадос	рыцарский шлем
Бельгия	львы; рыцарский шлем
Бенин	леопарды; крепость
Бермуды	чудовище; гибнущий в водной стихии корабль
Боливия	пушки; мушкеты; боевые знамена; боевой топор
Бразилия	меч
Бутан	драконы; удар молнии
Вануату	воин; копье; кабаньих клык
Великобритания	львы; леопард; нашлемник; цепи, в которые закован единорог
Венесуэла	меч; сабля; копыя; боевые знамена; лук со стрелами
Восточный Тимор	автомат Калашникова; сабли; стрелы
Гаити	пушки; ядра; боевые знамена; ружья; барабан; боевые топоры
Демократическая Республика Конго	ягуар; копье; бивень слона
Западная Сахара	винтовки
Зимбабве	автомат Калашникова
Иордания	орел; копыя; сабли; щит; луки со стрелами
Ирак	орел
Иран	меч
Исландия	орел; дракон
Кения	львы; копыя; боевой топор
Колумбия	орел; копыя
Латвия	лев; грифон
Лесото	копыя, крокодил
Ливия	ястреб
Литва	рыцарь на коне; доспехи; меч; щит
Лихтенштейн	орел; гарпия
Мартиника	змеи с жалом
Мексика	орел, пожирающий змею
Мозамбик	автомат Калашникова
Монако	вооруженные монахи; мечи
Непал	солдаты; нож; винтовка; пика
Панама	орел; меч; винтовка; боевые знамена
Папуа Новая Гвинея	копыя; барабан
Россия	двуглавый орел; Георгий Победоносец; змей; копыя
Сербия	двуглавый орел
Сингапур	тигр; лев
Сирия	ястреб
Соломоновы острова	крокодил; акула; орел; оружие
США	орел; стрелы
Танзания	копыя; топор; бивень слона
Того	львы; луки и стрелы
Тонга	мечи
Фиджи	копыя; дубина; лев
Филиппины	лев; орел; стрелы
Финляндия	лев; меч; сабля
Франция	лев; боевой топор
ЮАР	копыя; слоновий бивень
Ямайка	крокодил; шлем; копыя

С целью выяснения присутствия конфликтосодержащих элементов было проанализировано более двухсот гербов стран мира (см. табл. 1). Квантитативный анализ позволяет установить, что потенциально семиотически конфликтосодержащие геральдические фигуры содержатся в большинстве современных государственных гербов — 67,8%. К потенциально семиотически конфликтосодержащим мы относим оружие разного рода (пики, копья, луки, мачете, боевые топоры, сабли, ножи, дубины, пушки, ружья, винтовки, автомат Калашникова) и иные воинские аксессуары (рыцарский шлем, боевые знамена, щиты, цепи); изображение вооруженных людей (рыцари, вооруженные монахи, воины и современные солдаты); изображение оборонительных сооружений (крепость, замок); геральдический бестиарий — как исторический, мифологический, так и современный (драконы, единороги, грифоны, гарпии, змеи с жалом, львы, леопарды, орлы, крокодилы, акулы). Оружие содержится в 28,9%, а хищные животные — в 43,1% государственных гербов. В гербах трех государств — Восточного Тимора, Зимбабве и Мозамбика в качестве геральдической фигуры используется автомат Калашникова. Для ряда гербов тема конфликта является содержательно образующей.

Наиболее частотными в гербах по-прежнему остаются фигуры геральдического бестиария — львы, леопарды, ягуары, змеи, орлы, грифоны, драконы, гарпии, причем геральдическая интерпретация животного, входящего в бестиарий, может заметно отличаться от его трактовки обычным современным обывателем. Так, например, едва ли не самой частой геральдической фигурой, начиная со Средневековья, остается лев или леопард (в геральдике они нередко совпадают и различаются только позой). Он в той или иной форме присутствует более чем на 20% гербов стран мира, а орел, также представитель геральдического бестиария, — примерно на 15%.

Лев как, безусловно, агрессивное животное, появившись в качестве иконического символа сначала на рыцарских щитах с XI века, воспринимался в Средневековье как знак-маркер рыцаря-христианина, в то время как дракон фигурировал на щитах языческих воинов. Хотя, как указывают разные источники, льва долгое время не считали «царем зверей» и благородным созданием, достаточно вспомнить библейские ветхозаветные истории Давида и Самсона. Лев в этой интерпретации жесток и необуздан. Дополнительную коннотацию привносит поза льва, например, готовящегося к прыжку, как на гербе Шотландии. С течением времени интерпретация этого иконического символа изменилась, и в наши дни ему по большей части приписывается благородство и надежность.

Как упоминалось выше, герб представляет собой в высшей степени сложный для интерпретации поликодовый феномен, в рамках которого может рассматриваться понятие внутренней интертекстуальности, то есть существование интертекстуальных связей между вербальным и невербальным элементами герба. Вербальная составляющая гербов распадается на две категории — собственно номинацию страны (Беларусь, Вьетнам, Италия и др.) и девиз, выражающий мотивационный призыв или констатирующую идеологическую доминанту на национальном

языке или нередко на латыни (например, Гайяна — “One people. One nation. One destiny” или Андорра — “Virtus unita fortior”). Так, арабские страны отдают предпочтение арабскому языку (Алжир — «Руками народа, для народа», Бруней — «Всегда служить под водительством Бога», Ирак, Иран — «Бог велик!» и др.). Одним из исключений является девиз на гербе Великобритании, являющийся, по сути, девизом британской монархии “*Dieu et mon droit*” (Бог и мое право), написанный не на государственном английском, а на французском языке. В целом, анализ показывает отсутствие конфликтосодержащей лексики в вербальном компоненте мировых гербов. Как правило, мотивационной доминантой служат понятия свободы, независимости, мира, процветания. Пожалуй, единственный девиз на гербах стран мира, который можно интерпретировать как имплицитно конфликтосодержащий — это девиз на гербе Чили — “*Por la razón o la fuerza*” («Правом или силой»).

Безусловно, символ всегда весомее и подлиннее реального человека или вещи, которых он должен представлять, а глубинная интерпретация геральдических символов не входит в задачи лингвистики, однако, нами была поставлена задача выяснить, вызывают ли гипотетически конфликтосодержащие (оружие, хищные звери и пр.) иконические символы гербов, указанные выше, чувство угрозы у реципиентов, которым предъявлялось изображение герба. Геральдическая интерпретация символики не требовалась. Ассоциативный эксперимент проводился среди студентов-международников университета МГИМО МИД России в возрасте 18—25 лет, представителей разных стран мира. По результатам опроса выяснилось, что подавляющее число респондентов (87%) воспринимали указанные символы как конфликтосодержащие, если обращали внимание именно на отдельно взятый элемент герба — фигуры бестиария, оружие и пр., хотя многие из этих символов специалисты по геральдике таковыми не считают. Как уже упоминалось, лев на гербе говорит о могуществе и силе государства, но, поскольку лев не нападает, если не голоден и не уверен в победе, то геральдический лев еще и символ благоразумия. Присутствующий на множестве гербов орел означает то же самое. Стрелы на гербах символизируют готовность к войне (имеется в виду к обороне), но однозначно трактуются реципиентами как угроза, равно как и весь ряд бестиария. Те реципиенты, кто знал об интерпретации символов герба конкретного государства, как правило, о конфликтосодержащести не упоминали. Оружие и животные воспринимались как символ способности защищать государство.

Отдельно стоит отметить наиболее частотное среди реципиентов восприятие гербов как поликодовых символов, вообще не требующих интерпретации. Они воспринимаются как своего рода гештальт, целостный образ, не предполагающий разложения на составляющие. Максимальный интерес при таком восприятии вызывали вербальные компоненты герба. В символике, как в любой другой открытой семантической системе, ничто не функционирует вне контекста. Наличие вербального компонента (девиза) существенно сужает круг интерпретаций.

Заключение

Интерес к геральдической символической системе, особенно государственной, устойчив из-за ее способности абсорбировать новое, поддерживать связь с прошлым и обеспечивать целостность с настоящим. При изучении символов не следует проецировать на прошлое наши собственные знания, ибо те общества, которые предшествуют нам во времени, ими не обладали [5]. Необходимо учитывать воздействие времени, экстралингвистических реалий, смены парадигм восприятия одного и того же символа у разных поколений.

Таким образом, все же стоит отметить, что по устойчивости выраженности темы конфликта государственные гербы оказываются содержательно насыщенными. Следовательно, функция государственной идеологии в качестве мотиватора борьбы с врагом государства по-прежнему сохраняет свою актуальность. Государственный герб языком художественных образов позволяет выразить то, что сформулировать прямым текстом официальных документов недопустимо. Это говорит о том, что установка государств на борьбу сохраняется, хотя и оказывается вынесенной в нишу имплицитного аллегорического проявления.

Библиографический список

1. Гадамер Г. Истина и метод. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1.
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Наука, 1993.
4. Максименко О.И., Хроменков П.Н. «Язык вражды» в отношениях религиозных и светских общностей // Современная коммуникативистика. 2016. № 6 (25). С. 55—61.
5. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. СПб.: Александрия, 2012.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. Пер. с франц. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2008.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
8. Хроменков П.Н. Лингвоконфликтологический анализ государственных гимнов // Вестник МГОУ сер. Лингвистика. 2015. no 5. С. 55—61.

References

1. Gadamer H-G. (1988) *Wahrheit und Methode*. Moscow: Progress (In Russ.)
2. Cassirer E. (2002) *Philosophie der symbolischen Formen*. SPb: (In Russ.)
3. Losev A.F. (1993) *Essay of antique symbolism and mythology*. Moscow: Nauka (In Russ.)
4. Maksimenko O.I., Khromenkov P.N. (2016) “Hate speech” concerning religious and secular communities. Moscow: *Modern communicativistics* (In Russ.)
5. Pastoureau M. (2012) *Une histoire symbolique du moyen age occidentale*. SPb.: Alexandria (In Russ.).
6. Ricœur P. (2008) *Conflict of interpretations: hermeneutics essay*. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole (In Russ.)
7. Huntington S. (2003) *The clash of civilizations*. Moscow: AST (In Russ.)
8. Khromenkov P.N. (2015) *Linguokonfliktological analysis of national anthems*. Moscow: MGOU (In Russ.)

Информация об авторах:

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *научные интересы*: лингвoseмиотика, прикладная лингвистика, формальные методы в лингвистике; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

Хроменков Павел Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *научные интересы*: лингвoseмиотика, прикладная лингвистика, лингвоконфликтология; *e-mail*: geleiter@gmail.com

Information about the authors:

Olga I. Maksimenko, Doctor of Philology, Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department Moscow Region State University; *research interests*: linguosemiotics, computer linguistics, formal linguistics; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

Pavel N. Khromenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department Moscow Region State University; *research interests*: linguosemiotics, applied linguistics, linguoconflictology; *e-mail*: geleiter@gmail.com